

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КЕРАМИКА ДВИНСКИХ РАСКОПОК

Развалины города Двина расположены в плодородной долине Аракса на берегу Гарни-чая, в 37 километрах от Еревана. Возникновение города относится к IV веку нашей эры, когда город, повидимому, служил летней резиденцией Аршакидов. В V веке, с концом династии Аршакидов, происходит возвышение города и его избирают столицей иранские наместники Армении. Арабское завоевание не лишает Двин политического значения и он продолжает служить резиденцией арабских наместников до землетрясения 893 г., когда наместничество было перенесено в Нахичевань. Но с утратой политического значения город продолжает существовать как значительный торговый и промышленный центр вплоть до XIII столетия. С этого времени армянские летописцы перестают говорить о Двине: повидимому, монгольское завоевание губительно отразилось на экономическом благосостоянии города и Двин из цветущего промышленного и торгового центра превратился в незначительное поселение сельского типа.

Производящиеся в настоящее время Армянским Филиалом Академии Наук СССР, под руководством докт. С. В. Тер Аветисяна, раскопки города лишь начаты. В продолжении трех археологических кампаний раскопана лишь незначительная часть городища. Несмотря на это, уже обнаружена значительная коллекция материальных памятников, среди которых керамика занимает первое место не только по количеству, но и по качеству. Среди большого числа, незначительных по размеру, фрагментов керамики имеется несколько первоклассных предметов, настолько сохранившихся, что вполне можно судить об их форме и стиле. Описанию последних и посвящена эта статья.

Среди неглазурованных глиняных изделий, с грубым окрашенным черепком, художественный интерес имеют фрагменты карасов, сосудов для хранения вина, украшенные рельефными тисненными орнаментами. К сожалению, в большинстве случаев фрагменты столь незначительны, что нельзя даже судить о форме сосудов. Лишь один карас из находок 1938 г. № 204 (рис. № 1), хотя и разбитый на несколько кусков, сохранился на три четверти. Это—большой горшок, 37 см. высоты и 31 см. в диаметре, с пузатым туловом и широким

горлом. Снаружи вся верхняя половина караса покрыта красной краской и, возможно, отпалирована. Лишь широкая полоса, украшенная орнаментами, не покрыта краской и сохраняет цвет черепка. Основная орнаментированная кайма тянется вокруг караса, перпендикулярно к ней расположены еще 4 полосы, доведенные до шейки сосуда.

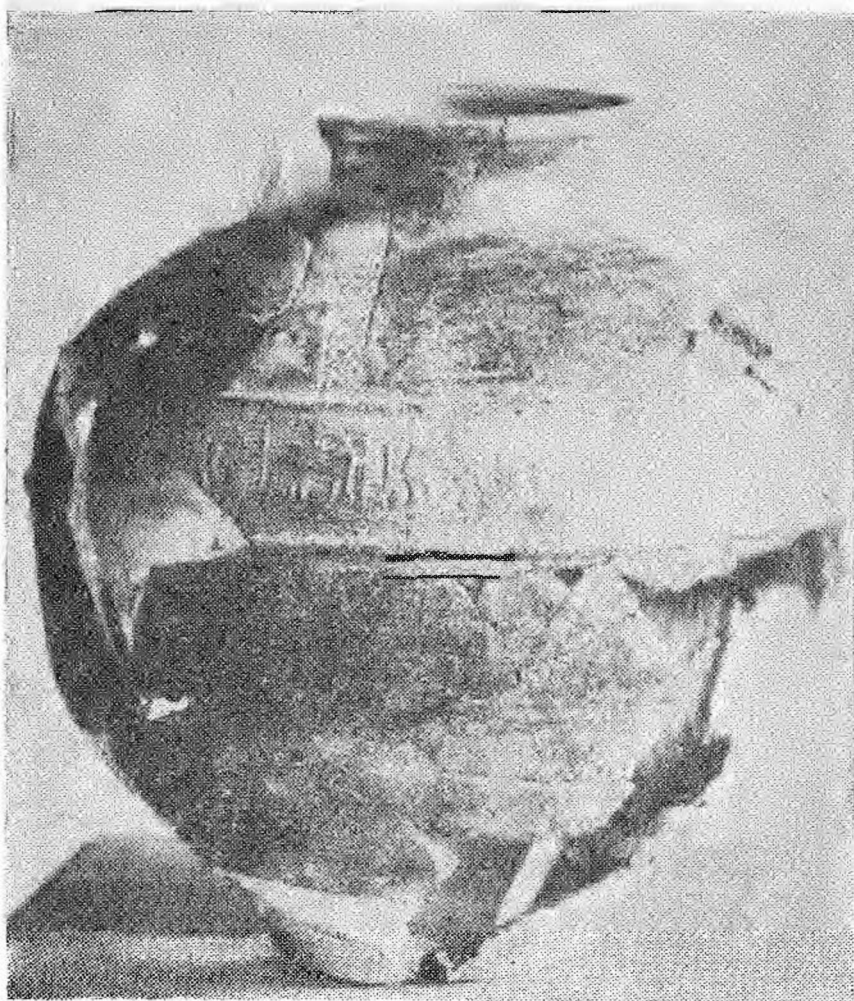

Рис. 1. Карас XI—XIII в. в.

Кайма разбита поперечными полосами с ребрами на участки. В каждом участке изображено стилизованное животное, повидимому, горный козел. Четыре полосы, идущие от горла сосуда к кайме, покрыты плетеным орнаментом. Вся орнаментация исполнена тиснением и поэтому рельефна.

Двинский карас очень похож на фрагменты, найденные в Ани.

Последние также покрыты красной краской, и у них орнаментированные полосы остаются обнаженными. Орнамент анийских фрагментов исполнен той же техникой, встречаются и очень близкие по рисунку экземпляры. Анийский фрагмент № 09 п-64 украшен теми же стилизованными рогатыми животными. Но, несмотря на большое сходство двинского караса с анийскими фрагментами, разница в черепке, во всех случаях более светлом и значительно менее грубом у двинских экземпляров, исключает возможность общего происхождения этих изделий. Повидимому, в Двине было самостоятельное, хотя и очень близкое к анийскому, производство карасов, тем более, что невозможно предположить завоз издалека столь грубых и дешевых изделий. Сходство двинского караса с анийскими фрагментами облегчает решение вопроса о датировке. Ани, как крупный торговый центр, существовал всего четыре века и вся анийская керамика не выходит за пределы XI—XIII веков. Этим же временем приходится датировать двинский карас.

К поливной грубой керамике с окрашенным черепком относится большое число фрагментов. Среди них особую группу как по технике украшения, так и по орнаментации составляет керамика, покрытая слегка окрашенным розоватым ангобом и расписанная красками под прозрачной бесцветной глазурью без гравировки. Керамики этого вида совсем не найдено в Ани, что говорит о ее более раннем происхождении, так как более позднее для Двина отпадает. В пользу предположения о раннем происхождении этих изделий говорит еще то обстоятельство, что значительное число фрагментов найдено в развалинах базиличной церкви, где обнаружены толстые литые стекла с куфическими надписями, так же не встречающиеся в Ани, и фаянсы, покрытые белой непрозрачной глазурью с силуэтной росписью кобальтом. Последнее особенно важно, так как аналогичные фаянсы найдены в Самарре и их приходится датировать IX, самое позднее, — X веком. Следовательно, и двинскую керамику этого типа приходится датировать тем же временем. Лучше других сохранилась чаша № 133 (рис. 2). Это — небольшая чаша, из светлой красноватой глины, 14-ти сантиметров в диаметре, с округлыми боками на низкой кольцевой ножке. Чаша расписана фиолетовой, зеленой и желтой красками по розоватому ангобу. По борту тянутся два концентрических круга, зеленый — внешний и фиолетовый — внутренний; в последний вписано четыре квадрата — фиолетовый, зеленый, снова фиолетовый и снова зеленый. Самый маленький внутренний квадрат разбит зелеными линиями на квадратики, внутри которых в шахматном порядке расположены желтые круги и фиолетовые стрелки. Для керамики этого вида характерна геометрическая орнаментация трех типов. К первому относится описанная выше чаша, для второго характерны маленькие зеленые овалы с желтой серединой и для тре-

тьего—более крупный орнамент с разводами и петлями (рис. № 3). Имеются переходные экземпляры, доказывающие, вместе с общей техникой украшения и однотипностью черепка, общее происхождение этих изделий, нигде, кроме Двина, не встречающихся. Последнее вынуждает нас отнести их к производству местных керамических мастерских.

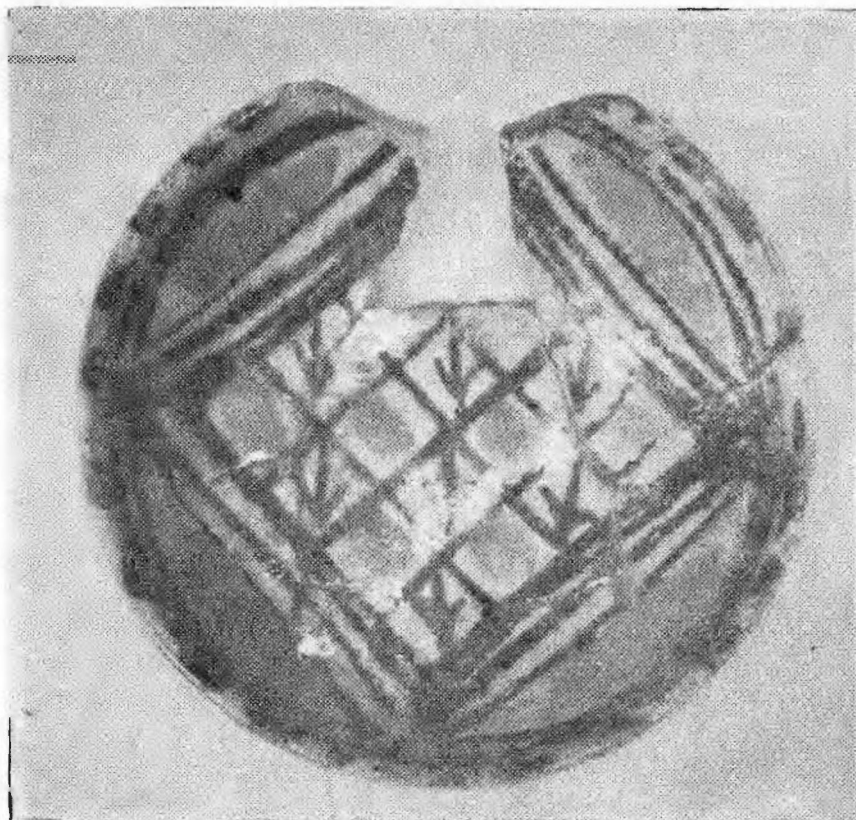

Рис. 2. Чаша, расписана красками по ангобу. IX—X в. в.

Вторую группу поливных, сравнительно грубых изделий составляют предметы с гравированным по ангобу рисунком и беспорядочной раскраской под прозрачной, бесцветной глазурью. Ангоб этих изделий, в отличие от предыдущих, имеет белый цвет. До 1939 года в Двине были найдены лишь незначительные фрагменты этих изделий, украшенные типичными для Двина двойными петлями с зигзагом посередине, но в 1939 г. найдена великолепная большая чаша № 24 Д-39,—28, 5 см. в диаметре и 9 см. вышины (рис. 4). Чаша имеет конусовидные пологие бока, под углом отходящие от плоского дна. Ножка кольцевая, невысокая. Чаша лишь внутри покрыта белым ангобом, по которому выгравирован украшающий ее орна-

мент. Во всю чашу изображен большой сильно стилизованный цветок с семью круглыми и с семью острыми лепестками. Свободное пространство у края чаши занято тремя рядами зигзагов. Небреж-

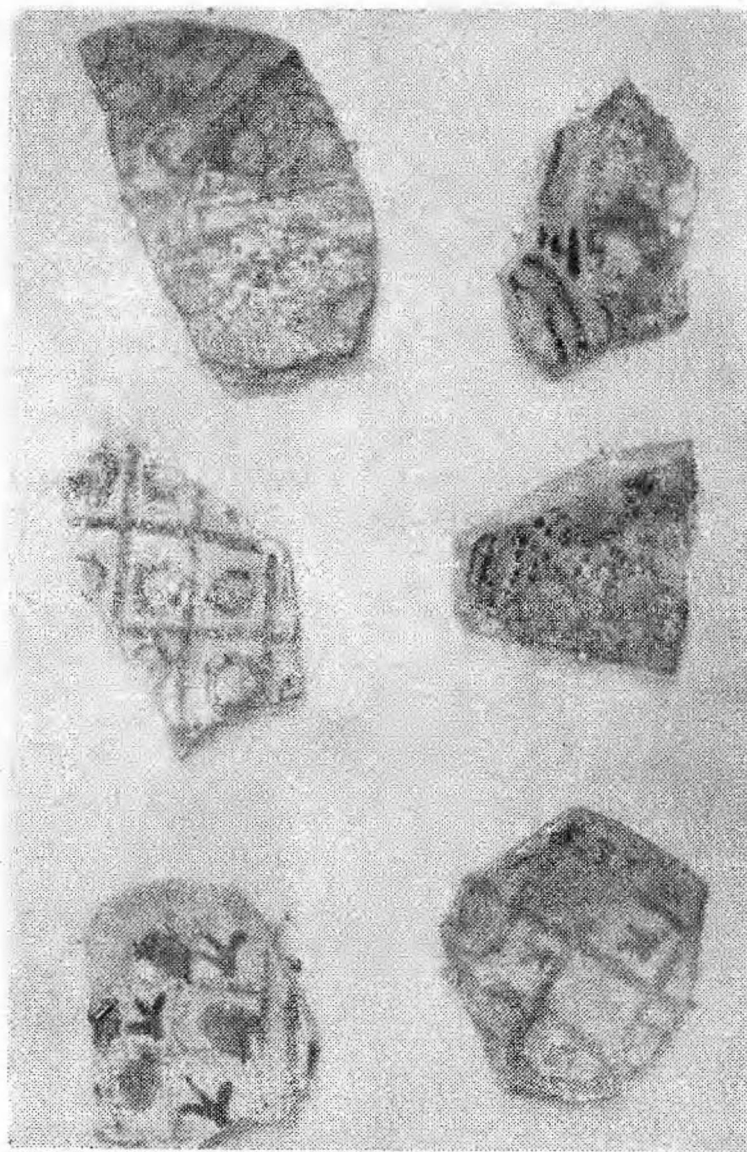

Рис. 3. Фрагменты, расписаны красками по ангобу. IX—X в. в.

ная раскраска чаши почти совсем не согласована с рисунком. Края лепестков оттенены зеленой краской. Диски внутри круглых лепестков и борт покрыты желтокоричневой краской. Выше дисков тянутся очень небрежные ряды неправильных темнофиолетовых пятен. Блеск

глазури, теплый, белый фон и яркая игра красок очень красивы. Небрежность рисунка и раскраски не только не мешают художественности впечатления, но, наоборот, усиливая игру красок, сообщают предмету декоративную живописность. Чаша безусловно относится к выдающимся произведениям керамического искусства и свидетельствует о художественном развитии и вкусе создавших ее мастеров

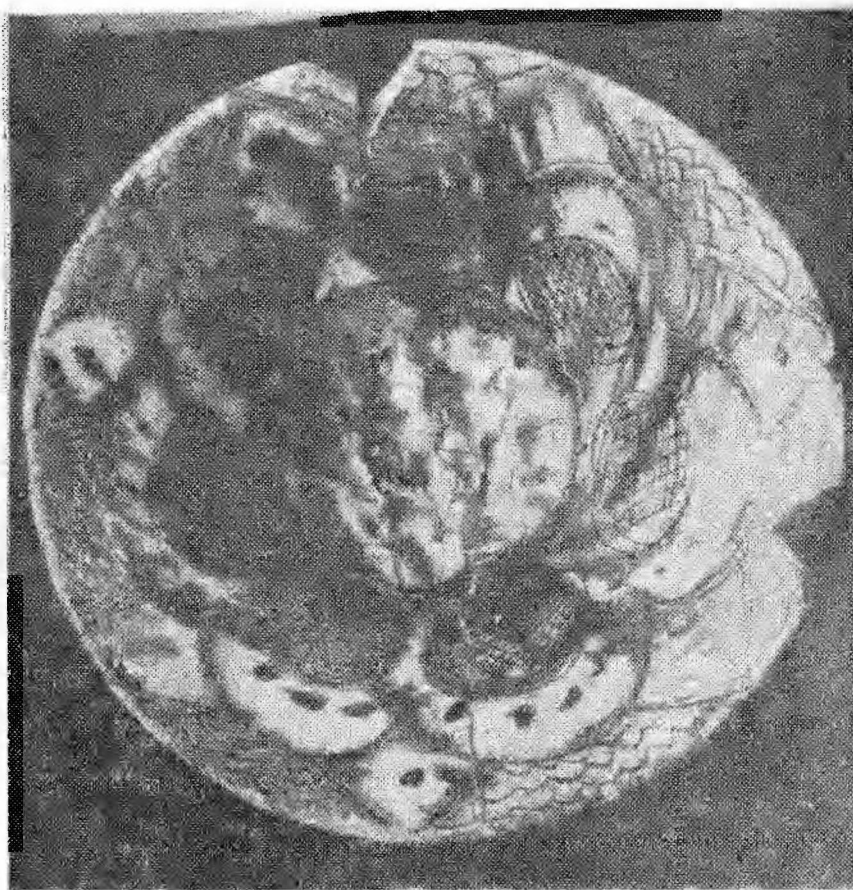

Рис. 4. Чаша, расписана красками и украшена гравировкой по ангобу. XII—XIII в.в.

В Ани найдено значительное число предметов той же техники украшения. Изделия также покрыты ангобом и украшены гравировкой и расцветкой теми же красками. Но, в отличие от анийских, двинские изделия этого типа имеют значительно более светлый, иногда розоватый, иногда серый черепок, значительно более тонкого строения, чем у анийских. Последнее говорит о разном происхождении этой керамики, а так как перевозка на дальнее расстояние такого сравнительно грубого и дешевого товара маловероятна, то приходится считать.

и анийские и двинские предметы продуктами местного производства. Но не только своим черепком отличаются изделия Двина и Ани. Глубоко и принципиально отлична их орнаментация. Если для Ани характерны животные и растительные орнаменты, то для Двина типична геометрическая или сильно стилизованная растительная орнаментация. Изображения людей, зверей и птиц в Двине, в отличие от Ани, совсем не встречаются. Кроме того, в Ани раскраска, в большинстве случаев, вполне согласована с гравированным орнаментом, в Двине же, наоборот, преобладает небрежная, почти совсем с орнаментом не согласованная раскраска, служащая лишь для оживления поверхности игрой красочных пятен. Как это ни странно, но двинская керамика этого типа гораздо ближе к изделиям Средней Азии, чем к промышленности Ани, находящегося всего в 120 километрах от Двина. По месту находки анийскую керамику этого типа приходится датировать XII—XIII веками. Данные двинских раскопок подтверждают последнее, так как в Двине, одновременно и в том же месте с описанной чашей, найден фигурный кувшин люстрованного фаянса рейского типа¹. Датировка же рейских фаянсов точно установлена на основании датированных предметов европейских коллекций: их нужно относить к XII—XIII векам. Последнее очень важно, так как в вопросе датировки расписных изделий с гравировкой по ангобу в европейской литературе нет единства. Прежде всего изделия этого типа датируются разным временем в зависимости от характера раскраски и стиля. Изделия анийского вида, очень близкие к североиранским, впервые найденным в Зенджане, считаются более поздними, а двинские—более ранними. Наши данные опровергают эти положения. Так, например, М. Pézard² впервые датирует VIII веком, вторые X; Арт. Поп³—X—XII в.в; R. Hobson⁴ растягивает датировку от X до XIV века и лишь F. Sarre и E. Herzfeld⁵ при изучении Самарских раскопок приходят к тем же, что и мы, выводам.

До сих пор мы высказывали предположение о местном происхождении описанных предметов, не имея безусловных доказательств последнего. Можно было думать, что эти изделия производились где-либо в районе Двина, но решить вопрос о том, является ли сам город центром керамического производства, было невозможно. К счастью, в Двине найден еще один тип грубой поливной керамики, изучение которого дало возможность решить этот вопрос. Речь идет об изделиях, украшенных гравировкой по ангобу, но покрытых не

¹ Описание кувшина следует.

² Maurice Pézard. La céramique archaïque de l'islam et ses origines. Paris, 1920.

³ Survey of Persian art, т. II. The ceramic art in islamic times, A. The History. London, 1938/39.

⁴ R. Hobson. A guide to the islamic pottery of the Near East, 1932

⁵ F. Sarre, Die Ausgrabungen von Samarra. Band II, 1925.

бесцветной глазурью, как предыдущие, а цветной. Особенностью этих изделий было то, что в печи они устанавливались в перевернутом виде и упирались на треугольные подставки. О последнем

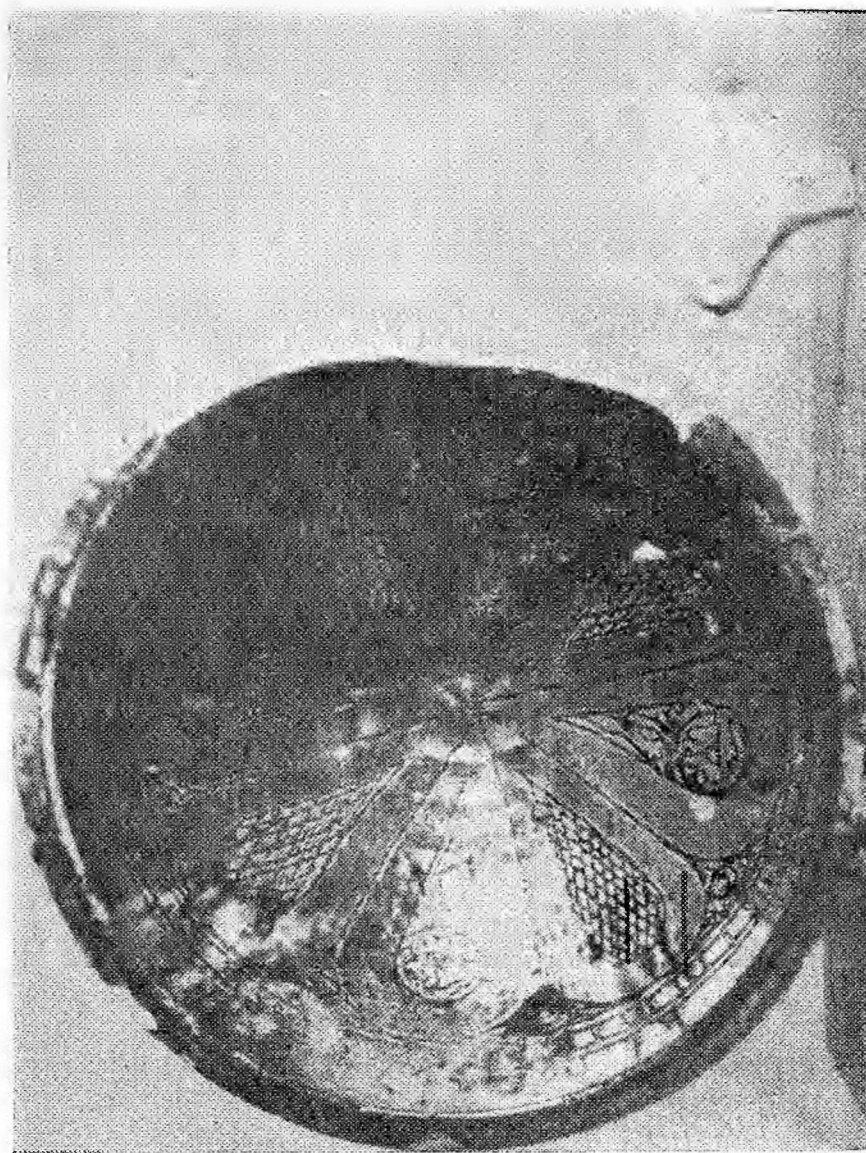

Рис. 5. Чаша, украшена гравировкой по ангобу под зеленой глазурью. XII—XIII в. в.

говорят как следы от трех зубцов подставки, видные на дне сосудов, так и стекание глазури к краям изделий. Эти треугольные подставки найдены в Двине, и так как они никакого иного применения

кроме производственного, не имели, то находка их в Двине говорит о том, что керамические мастерские находились в самом городе.

Прекрасным образцом керамики этого типа является большая, почти целиком сохранившаяся чаша 30-ти см. в диаметре и 13 см. высоты, № 675 д-37 (рис. № 5), из светлой, розоватосерой глины с мягким, по школе Мосса от 2—3-х., черепком умеренно грубого строения. Чаша имеет невысокую кольцевую ножку и вертикальные борта с перехватом у края. Переход от дна чаши к борту постепенный. Поверх белого ангоба чаша целиком внутри и на 1/3 снаружи покрыта прозрачной зеленой глазурью. Внутри чаши видно три следа от подставки. Она обжигалась в печи перевернутой и упиралась на подставку с тремя шипами. Размеры найденной в Двине подставки № 485 (рис. 5) соответствуют следам на дне чаши. Во время обжига глазурь стекала к краям чаши, что и наблюдается. Ее края покрыты более толстым слоем глазури, местами скопившейся в виде капель. Чаша украшена гравированным по ангобу орнаментом. На дне изображена большая, вписанная в круг, восьмилепестковая розетка. Пространство между лепестками и кругом занято завитками растительного характера. Лепестки заполнены сеткой и завитками. Этого вида орнаментация нигде, кроме Ани, не встречается. В Ани большие, во все дно чаши, розетки распространены и встречаются как на тонких фаянсах, так и на грубой поливной керамике той же техники украшения, что и в Двине. Но для Ани характерен более темный и грубый по строению черепок. При этом разница настолько значительна, что приходится, хотя и считаясь с неизбежной вариацией оттенков и строения, исключить возможность общего происхождения. Анийские изделия этого типа, по месту находки нужно датировать XII—XIII веками. К этому же времени приходится отнести и двинскую керамику той же техники.

Образцов более тонкой керамики с белым или почти белым черепком в Двине найдено значительно меньше, но все же материал настолько разнообразен, что коллекция разбивается на 10 самостоятельных групп. Среди них имеются фрагменты, к сожалению, незначительные, китайских селадонов, фаянсы, завезенные из Ирана и Месопотамии, и, наконец, фаянсы местного производства. К последним относятся толстостенные фаянсы с рельефными накладными украшениями. Все они имеют белый, значительно пористый, не тонкий по строению черепок и покрыты прозрачными голубыми и синими глазурями. Среди значительного числа фрагментов этого фаянса имеется лишь один предмет, ваза, настолько сохранившийся, что можно судить о его форме. Остальные фрагменты дают лишь представление о чрезвычайно интересных, нигде, кроме Кавказа, не встречающихся, накладных рельефных фигурах: небольших розеток, жгутов и маскарон в виде женской головы в причудливой короне и сильно стилизованных львиных

морг. Женскими головами украшено несколько маленьких голубых фрагментов и один более значительный, покрытый синей глазурью, № 1063 (рис. 6). Размер его $2 \times 6,5$ см. при толщ. в 5 мм. Он украшен 9-ю маскаронами, расположенными в шахматном порядке. Наверху, с левой стороны, виден след от отскочившего 10-го маскарона. Последнее указывает на то, что маскароны формовались отдельно от сосуда и перед обжигом накладывались на поверхность. Совершенно

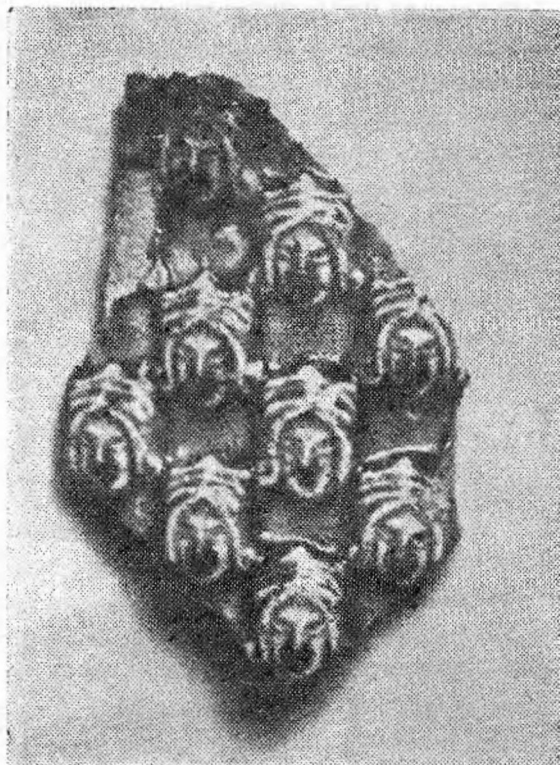

Рис. 6. Фрагмент, украшен накладными маскаронами. XII—XIII в. в.

такие же маскароны найдены в Ани и Дманиси, на фаянсах той же техники украшения, с черепком такого же строения, что указывает на их общее происхождение. Даже размеры маскаронов одни и те же.

В 1939 году в Двине найдена вышеупомянутая ваза, покрытая синей глазурью, № 55 д-39 (рис. 7). Ее относительная сохранность позволяет судить как о форме, так и о ее размерах. Это— ваза 25 см. высоты с широким, почти цилиндрическим горлом и пузатым туловом 19-ти см. в диаметре. Вся ваза внутри и почти целиком снаружи покрыта прозрачной темносиней глазурью. Горло украшено двумя рядами накладных украшений.

Наверху небольшие маскароны не то с человеческими лицами, не то с сильно стилизованными львиными мордами в высоких головных уборах (возможно, что это волосы или львиная грива). Внизу мы видим небольшие кнопки—розетки. По верхней половине тулова, немного ниже горла, расположены маленькие плоские овалы с двумя точками и черточками, изображающими глаза, нос и рот, совершенно в характере детских рисунков. Кроме накладных рельефных фигур, поверхность вазы украшена сравнительно глубокой и широкой гравировкой. Среди аналогичных фаянсов, найденных в Ани, име-

ется фрагмент, с маскаронами того же вида, как и фигуры, украшающие верхнюю часть горла двинской вазы.

Как уже говорилось, нигде, кроме Кавказа, эти фаянсы не встречаются, причем некоторые рельефные фигуры, как маскароны, отли-

Рис. 7. Ваза, украшена накладными фигурами. XII—XIII в.в.

чаются особой оригинальностью, и им трудно найти аналогию в орнаментации средневековых фаянсов. Все это говорит за местное, кавказское происхождение этих изделий, хотя установить центр их производства пока не представляется возможным. По аналогии

с фаянсами этого вида, найденными в Ани и Дманиси, эти изделия двинских раскопок нужно датировать XII—XIII в. в. Последнее подтверждается тем, что в Двине совместно с описанной вазой найден фигурный кувшин люстрованного фаянса, о котором уже упоминалось, безусловно относящийся к этому времени.

Рис. 8. Чаша, расписана кобальтом по сырой глазури. IX—X в. в.

К редчайшим предметам двинских раскопок относятся фаянсы IX—X в. в. с силуэтной росписью кобальтом, неизвестные до опубликования Сарре в 1925 г. результатов раскопок в Самарре (рис. 8)¹.

В Двине найдены почти целиком сохранившаяся чаша и до 10-ти фрагментов этого фаянса. Для них характерен желтоватый, сильно пористый и очень мягкий черепок. Изделия покрыты белой непрозрачной глазурью и расписаны кобальтом, повидимому, по сырой глазури. Все двинские фрагменты этого фаянса принадлежат

¹ Замечка о них помещена в вып. II журнала „Искусство“, 1940 г.

к небольшим чашам, с отогнутыми краями на очень низкой и плоской кольцевой ножке, целиком покрытой глазурью. Глазурь этих изделий непрочна связана с черепком, и часто наблюдается отслаивание ее от черепка.

Все перечисленные свойства двинских изделий характерны и для фрагментов, найденных в Самарре. Но не только в Двине и Самарре были найдены фаянсы этого типа, к ним относится воспроизведенная Сарре чаша (табл. XVIII, № 167),¹ найденная, по видимому, в Иране и находившаяся в 1925 г. у парижского антиквара. Не только материал, но и роспись ее настолько близки двинской, что нельзя сомневаться в их едином происхождении. Она также расписана кобальтом. На ней изображено три фигурных листа, вероятно, каштана, в центре же—продолговатое синее пятно, возможно, плод каштана.

В последние годы подобная чаша описана Артуром Попом.² Она также украшена тремя разрезными листьями совершенно того же рисунка, но в центре вместо плода изображен, по видимому, цветок каштана.

Возникает вопрос, когда и где производились эти изделия. Сарре датирует самаррские изделия, как и всю керамику, найденную в Самарре, концом IX века. Ввиду сходства черепка описываемых фаянсов с черепком люстрованных изделий самаррских раскопок, Сарре относит их к местному производству Месопотамии. Артур Поп в общем соглашается с датировкой, предложенной Сарре, лишь распространяя время производства этих изделий и на X век. В вопросе же происхождения Артур Поп, основываясь на находке этого типа изделий в Иране, склоняется в пользу гипотезы об иранском происхождении, считая, что самаррские фрагменты были импортированы в Месопотамию, но он не относит все изделия этого типа к одному месту производства, допуская выработку их в разных керамических центрах.

Данные двинских раскопок в общем подтверждают принятую датировку этих изделий. Одновременно и в том же месте раскопок, базиличная церковь, найдены расписанная по ангобу без гравировки керамика и литые стеклянные изделия с куфическими надписями. Интересно, что ни фаянсов, ни расписной без гравировки керамики, ни этого типа толстых стеклянных изделий не найдено в Ани, в то время как почти все другие виды керамики двинских раскопок богато представлены в анийской коллекции. Последнее легко объясняется, если допустить, что вышеперечисленные изделия Двина

¹ F. Sarre. Die Ausgrabungen von Samarra. Band II. Die Keramik von Samarra. Berlin, 1925 г.

² The survey of Persian art. The ceramic art in Islamic times. A. The History (табл. 573 e, том V) New-York, London, 1938—39 г.

относятся к другому времени. Анийская керамика датируется XI—XIII в.в. Так как и для Двина XIII век является предельным в жизни города, то остается лишь предположить более раннее происхождение этих изделий и отнести их к IX—X векам, что вполне согласуется с данными раскопок в Самарре.

Значительно труднее выяснить вопрос о месте производства этих изделий. Прежде всего, фрагменты, найденные в Двине, так близки друг другу по черепку, глазури и форме, что их нельзя приписывать разным мастерским. К тем же мастерским должны быть отнесены парижская чаша, воспроизведенная Сарре, и чаша, описанная Артуром Попом. Они не только похожи по технике и росписи, но имеют те же размеры, что и чаша двинских раскопок. Другие же предметы, отнесенные Артуром Попом к той же группе, возможно, сделаны в других мастерских, так как автор основывает свою классификацию исключительно на характере силуэтной росписи и красках, почти не уделяя внимания черепку и глазури. К тому же, он ошибочно утверждает, что эти изделия расписаны по ангобу под прозрачной глазурью, тут же указывая на их однотипность с изделиями, найденными в Самарре и покрытыми, по свидетельству Сарре, так же, как и двинские предметы, непрозрачной оловянной глазурью.

Против гипотезы об иранском происхождении говорит форма чаш, черепок и отскакивание глазури. Для иранских изделий характерны более высокая кольцевая ножка и другая форма бортов. Черепок двинских изделий очень мягок в изломе, он легко царапается третьим минералом шкалы Мосса—кальцитом, в то время как черепок большинства иранских фаянсов тверже четвертого минерала шкалы—плавикового шпата, подымаясь часто до твердости апатита и полевого шпата. И, наконец, на иранских изделиях почти не наблюдается отскакивание глазури.

В пользу мнения Сарре о месопотамском происхождении этих изделий говорит сходство их техники с люстрованными изделиями Самарры, для которых также характерны желтоватый мягкий черепок и непрозрачная, непрочко приставшая к черепку глазурь.

Наконец, из факта находки значительного числа фрагментов в Двине можно предположить местное происхождение этих изделий. Возможно, в дальнейшем, с продолжением двинских раскопок, мы получим доказательство в пользу последней гипотезы, сейчас же приходится быть осторожным и признать, что месопотамская теория более других обоснована, тем более, что в IX веке Двин, как центр наместничества, был тесно связан с Самаррой—столицей халифата.

В заключение остановимся на замечательном по красоте люстрованном кувшине в виде сирена, о котором уже упоминалось

в этой статье¹ (рис.9). Кувшин разбит на несколько кусков и сохранился на три четверти. Так как нижняя часть кольцевой ножки отбита, то его высота, равная 17 см., несколько меньше первоначальной. Голова сирина, служащая горлом сосуда, украшена невысокой

Рис. 9. Кувшин. Люстрованный фаянс. XII—XIII в. в.

круглой шапочкой. Крылья сирина сложены, но от спины поднимаются, загибаясь к голове, четыре пера. Грудь, крылья и перья сирина покрыты сравнительно мелким растительным орнаментом. Кувшин такой же формы и, должно быть, таких же размеров, высотой в 18 см., находится в Тегеранском музее¹; найден он в Рее. Повидимому, и двинский кувшин нужно отнести к производству

¹ Опубликован в *Annales du service archeologique de l'iran*. Paris, 1936. т. 1, стр. 183, рис. 127.

рейских мастерских, хотя в последнее время рейское происхождение многих люстрованных фаянсов взято под сомнение, а Артуром Поп значительное число их, на основе стилистического анализа, отнесено к Кашану¹. Поп, совершенно игнорируя характер черепка и глазури, относит к Кашану изделия, украшенные более мелким растительным орнаментом с крохотными спиралями, завитками и точками, заполняющими свободное пространство. Кашанский тип человеческого лица отличается, по мнению Попа, прорисованными до ушей узкими глазами и высоко поставленным ртом. Несмотря на то, что растительный орнамент, украшающий тело двинского кувшина, не имеет типичных кашанских черт, характер лица сирина с узкими глазами и высоко расположенным ртом настолько ярко выражен, что, исходя из одного стилистического анализа, пришлось бы и этот предмет отнести к мастерским Кашана, если характеру черепка, глазури и люстра не придавать особого значения. Но нам кажется, что последнее имеет значительно больший вес при определении места производства, чем отдельные декоративные мотивы. Ведь нет никаких оснований для предположения, что подражания и заимствования, столь распространенные в керамическом производстве нашего времени, не имели места в средневековом Иране. Конечно, даже подражающие живописцы вносили в роспись свои индивидуальные черты, свой почерк, но проследить и разобраться в этих тонкостях значительно труднее и возможно лишь при достаточном количестве абсолютно достоверного сравнительного материала, какового мы не имеем. Кроме того, не исключена возможность перехода и переезда мастеров из одного керамического центра в другой, в особенности тогда, когда города расположены на сравнительно небольшом расстоянии и входят в состав одного государства, как Рей и Кашан. Вместе с тем, почти невероятно, чтобы производившиеся в разных местах фаянсы имели бы совершенно одинаковый черепок и глазурь, так как последнее зависит не только от технического процесса и рецептур, но и от сырых материалов, перевозка которых, даже на сравнительно близкое расстояние, вряд ли возможна. Зависимость же черепка от сырых материалов усиливается еще и тем, что рецептуры и технические процессы всегда приспособляются к особенностям местного сырья. Обратное же явление вполне вероятно, и в одном и том же месте могут производиться изделия, сильно отличающиеся своими физическими свойствами, в зависимости от способов производства. Для примера обратимся к значительно лучше изученному европейскому фарфоровому производству XVIII века. В середине века майссенская мануфактура служила образцом для всего европейского производства. Ей

¹ The Survey of Persian art., т II. The ceramic art in islamic times. A. The History, London, 1938/39 (статья Артура Попа).

подражали как в рецептурах, так и в росписи. Сильно распространенная цветочная живопись, получившая название „немецких цветов“, встречается на изделиях петербургского завода, на фарфоре венской мануфактуры и на многих других. Придерживаясь одного стилистического анализа, без учета черепка, глазури и красок, почти невозможно определить происхождение исследуемого предмета. Исследование же технических свойств фарфора дает вполне надежное средство для определения, так как плотное, белое, с раковистым изломом тесто Майссена не повторяется ни на петербургских изделиях, ни на венском фарфоре. Те же признаки дают возможность отделить изделия Петербурга от Вены.

Возвращаясь к определению двинского фигурного кувшина, приходится его по характеру черепка, глазури и люстра отнести так же, как и кувшин Тегеранского музея, к Рейю. Его белый, с розоватостью, не слишком тонкого строения черепок, с твердостью излома от 4—5 по шкале Мосса, непрозрачная белая глазурь, слегка голубоватая в местах скопления, коричневый люстр с золотисто-красноватым отливом настолько близки к изделиям, рейское происхождение которых считается установленным, что отпадает вопрос о Кашане. Интересный сравнительный материал дает небольшая коллекция иранских фаянсов Ереванского исторического музея, собранная в Иране Малояном. Она ценна тем, что известно место находки почти всех предметов. К сожалению, среди них нет совсем образцов, найденных в Кашане, но Рей и Султанабад представлены типичными образцами. При сравнении черепка и глазури найденных в Рее предметов легко обнаружить общие черты, присущие как люстрованным изделиям, так и фаянсам с надглазурной красочной росписью. К последним относится фрагмент с изображением верблюда, № 55 с, черепок и глазурь которого очень близки к двинскому кувшину. Рейское происхождение фаянсов этого типа не вызывает сомнений в специальной литературе и не оспаривается Артуром Поп. Совершенно аналогичный черепок, той же твердости, и очень похожую глазурь имеет люстрованный фрагмент с изображением всадника, № 43. Он расписан коричневым люстром с очень красивым золотистым с краснотой отливом. По характеру росписи, придерживаясь стилистического анализа, данного А. Поп'ом, его нужно отнести к рейскому производству. Но наряду с ним в коллекции имеется люстрованный фрагмент, № 58/13 (рис. 10), также найденный в Рее, характер росписи которого типичен, по мнению А. Попа, для Кашана. Верхняя часть фрагмента украшена мелкими завитками, спиралями, точками. Вся орнаментация резервирована по люстрованному фону. Но признать этот фрагмент за кашанский, лишь завезенный в Рей, нет возможности, так как его черепок и глазурь с небольшими го-

лубыми пятнышками очень близки к предыдущим фрагментам и в особенности к № 43.

Все вышеизложенное заставляет нас осторожно относиться к выводам стилистического анализа, который вряд ли сам по себе, независимо от технических свойств предмета, может считаться надежным фактором при определении места производства фаянса. По-

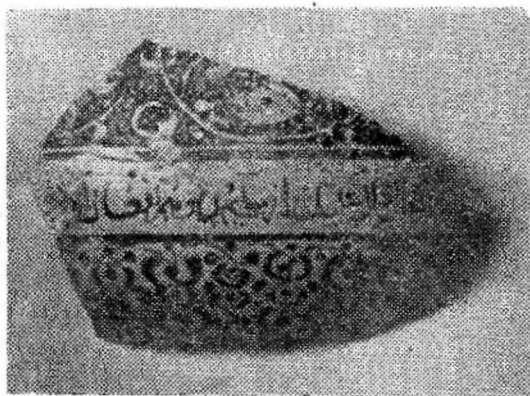

Рис. 10. Фрагмент. Люстрован. фаянс, найден в Рее. XII—XIII в. в.

следнее становится еще яснее при сравнении с предметами того же собрания, найденными в Султанабаде. Из последних особенно интересны две чаши, расписанные люстром, № 4 и 11; у обоих черепок более тонкого, чем у рейских, строения и не имеет характерного розоватого оттенка. Глазурь не прозрачная, слегка розоватая, без синевы. Люстр

зеленоватый и не имеет характерного для Рея золотистого отлива. Черепок тверже, чем у рейских люстрованных фаянсов. Его не берет 5-ый минерал шкалы Мосса—апатит (интересно отметить, что султанабадские изделия, расписанные красками под прозрачную глазурью, отличаются мягким черепком: от 2-х до 3-х). Все это говорит о том, что найденные в Султанабаде люстрованные фаянсы производились в других мастерских и не были завезены из Рея.

На этом мы закончим описание художественной керамики Двина, представляющей уже сейчас, несмотря на то, что систематические раскопки лишь начаты, большой как художественный, так и научный интерес, тем более, что громадное большинство средневековых фаянсов европейских собраний не имеет паспортов и не может быть приурочено к определенному месту. Среди найденных предметов наряду с импортными изделиями имеются высокохудожественные образцы местного производства, проливающие свет на еще совершенно неизученную промышленность средневекового Кавказа.

Последнее также говорит о том, что Двин в средние века был не только крупным торговым городом, но и промышленным центром.

Материалы двинских раскопок позволяют сделать несколько интересных заключений по истории керамической промышленности Ближнего Востока, облегчающих датировку средневековых фаянсов.

Прежде всего, роспись по сырой непрозрачной глазури, считав-

шаяся изобретением европейских мастеров эпохи Возрождения, оказывается, была известна на Ближнем Востоке уже в IX—X веках, так как найденные в Двине фаянсы с силуэтной росписью кобальтом (рис. 8), аналогичные фрагментам Самаррских раскопок, расписаны кобальтом по сырой оловянной глазури.

Далее, гравировка по ангобу, как способ украшения изделий с окрашенным черепком, появилась, повидимому, лишь в XII—XIII веках, так как предметы, место находки которых говорит о более раннем времени, украшены гравировкой по сырому тесту. Среди двинских материалов к последнему виду керамики относятся лишь отдельные фрагменты, но в Ани найдено значительное число предметов этой техники, место находки которых указывает на середину XI века. Все они покрыты бесцветными или прозрачными одноцветными глазуриями и являются подражанием раннему китайскому фарфору и селадону. Этот способ украшений появился, повидимому, лишь в конце X века, так как ни среди керамики самаррских раскопок, ни в комплексе двинских фрагментов IX и X в. в. (чаша 2) изделий, украшенных гравировкой по сырому тесту, не считая предметов дальневосточного происхождения, не имеется.

Выясняется следующая картина развития техники украшения ближневосточной поливной керамики.

В IX и X веках, когда уже происходил импорт китайских селадонов и фарфора, что доказывают раскопки в Самарре и Ани, местная керамика украшалась преимущественно надглазурной росписью люстром, росписью по сырой непрозрачной оловянной глазури и подглазурной росписью по ангобу.

В конце X и XI веков, под влиянием дальневосточных изделий, появились белые, иногда полупрозрачные, очень похожие на фарфор фаянсы, украшенные гравировкой по сырому тесту, и лишь позднее, уже в XII столетии гравировка стала применяться для украшения изделий с окрашенным черепком, покрытых ангобом; при этом в местах удаления последнего получался более темный рисунок по светлому фону. Керамика этого вида украшалась или одной гравировкой, или же совместно с раскраской обычно тремя красками—зеленой, желтокоричневой и темнофиолетовой.

Результаты первых трех лет значительны,—это дает право рассчитывать, что с продолжением начатого дела раскопок двинская коллекция керамики займет наряду с анийской одно из первых мест среди раскопанных материалов Кавказа.